

М

ало знакомый современному читателю мир Цинской империи, ее воинства и чиновников-мандаринов; портовый город Гуанчжоу (Кантон) с его опиумными курильнями и притонами; английская колониально-военная экспедиция; морские и сухопутные сражения тех времен — таков антураж повести Геннадия Литвинцева «Молодым не ходи в Гуандун. Записки времен Опиумной войны»¹ от лица китайского юноши Ли Вэньхуа, получившего классическое образование, делающего первые шаги в самостоятельную жизнь и невольно ставшего очевидцем и участником Первой опиумной войны, в повести рассказывается о драматических событиях в истории Китая полуторавековой давности. Экзотика в стиле oriental? Приключения? Модная сейчас Military reconstruction? И то, и другое, и третье. Но главное все же в другом. Нерв и смысл повести составляет конфликт двух, столь не похожих друг на друга, цивилизаций: древней китайской, замкнутой в самой себе, духовно глубокой, погруженной, как в гипнотический сон, в красоту и величие прошлого; и европейской (английской) — рациональной, динамичной, предприимчивой, наступательной, вооруженной идеологией прогресса, открытости, свободы и обязательного успеха.

Поначалу представители «породы ханг-мау» (ханг-мау, рыжеволосые, — принятое в старинном Китае название всех европейцев) кажутся герою повести пришельцами из другого мира: «Я впервые видел ханг-мау, а до этого считал, что все жители Поднебесной и сопре-

¹ Геннадий Литвинцев. Молодым не ходи в Гуандун. — Подъем, 2017, № 1; также: Геннадий Литвинцев. Молодым не ходи в Гуандун. — RIDERO, 2017.

дельных стран похожи на нас. Это же имели неведомые верные лица — белые, розовые, рыжие, конопатые, с большими носами и круглыми бесцветными, как у рыб, глазами. «Случись матушке увидеть таких, вот бы она напугалась!» — подумал я. Еще больше меня удивило, что странные люди не ведали Общего языка... «Нет, видать, они совсем из другой породы, возможно и не люди, а принявшие человекоподобный вид демоны», — подумал я, стараясь припомнить на всякий случай заклинания против демонов. В этой мысли я совсем утвердился, когда услышал от Дэмина, что оборотни приплыли к нам с обратной стороны земли.

Нелегко дается первый опыт общения. Но любопытство, а главное обоюдная заинтересованность в понимании побеждают подозрительность и страх. Чужеземцы предложили Ли Вэньхуа с братом снабжать их продовольствием. «Оказывается, они уже несколько дней сидели почти без еды и теперь умоляли доставлять им за серебро рис, мясо, рыбу и овощи. Дэмин дал согласие, хотя понимал, что и такая торговля может быть приравнена к контрабанде, ведь власти Поднебесной хотели всеми способами принудить чужаков к покорности и заставить соблюдать наши законы. Мы отплывали на своей лодке, а «демоны» стояли и махали руками. Я уже не боялся их — голодные, они нуждались в нас, а значит, не представляли опасности». Ли Вэньхуа учится языку и письменности англичан, что позволит ему лучше понять их, установить дружеские отношения, а позднее и оказаться в качестве переводчика в эпицентре грозных событий. И на мой взгляд, это самое ценное в повести — попытка героя, овладевшего английским языком, разобраться в психологии чужеземцев: обычно Запад смотрит на Восток, изучая его, здесь происходит обратное. И вывод героя прост и точен: «Мы друг друга до сих пор считаем варварами — мы вас, а вы нас. (...) Мы просто разные и пока не понимаем друг друга».

В повести действуют подлинные исторические фигуры — цинский властитель Поднебесной Даогуан, уполномоченный императора Линь Цзэсюй, британский «суперинтендант» Чарльз Эллиот, королевский министр, первый британский генерал-губернатор Гонконга Генри Поттинджер, генерал Хью Гоф, посланники Цинского двора Илипу и Киин и другие. И все же главным героем является сам Вэньхуа (Грамотей, Начитанный), от чьего имени ве-

дется повествование. Воспитанный в конфуцианской морали, взявший себе за образец мудрецов и героев древности, юноша роковым образом оказывается на переднем крае событий, теряет возлюбленную, едва сам не гибнет, попадает в плен — и осознает, что от человека во все времена требуется мужество, преданность родной земле, верность долгу. Враждебные силы, даже превосходящие материальным могуществом, можно преодолеть духовным порывом. «В конце концов, побеждает ведь не порох, а тот, кто его выдумал», — говорит один из героев повести.

До первой опиумной войны династия Цин жестко проводила политику «закрытых дверей», не допуская западных коммерсантов и миссионеров вглубь своей территории, ограничивая их деятельность приморской провинцией Гуандун (Кантон). Ключик к этой богатейшей стране Англия нашла в виде опиума, который и начала поставлять контрабандой из Индии, настойчиво приучая китайцев к дурману. Кстати, название повести взято из популярной тогда китайской песни «Молодым не ходи в Гуандун!»: в том краю легких денег и наркотических притонов легко было забыть себя, родных и любимых, потерять душу, а то и жизнь. «Торговля рабами была просто милосердной по сравнению с торговлей опиумом, — признавал английский экономист Р. Монтгомери Мартин в 1847 году. — Мы не разрушали организм африканских негров, ибо наш интерес требовал сохранения их жизни... А продавец опиума убивает тело после того, как развратил, унизил и опустошил нравственное существо». Когда же император попытался остановить наркотическую агрессию, беспощадно, миллионами уничтожавшую население, англичане послали к берегам Китая боевой флот и начали войну с целью «выбить двери» богатой страны, заставить ее согласиться с уделом бесправной колонии.

У нашего замечательного писателя Ивана Александровича Гончарова в очерках «Фрегат «Паллада» (а он побывал в Китае и Японии в тот самый период опиумных войн) есть описание обычной империалистической тактики: «Поступить по-английски — то есть пойти, например, в японские порты, выйти без спросу на берег, и когда станут не пускать, начать драку, потом самим пожаловаться на оскорбление и начать войну. Или другим способом: привезти опиум и, когда станут принимать против этого строже меры, тоже объявить войну».

С точки зрения Ли Вэньхуа несправедливо, что английский флот «незаконно шныряет» у берегов Китая, занимается контрабандой, топтит китайские суда, а отвечать за последствия приходится китайцам. Это то же самое, «как если бы разбойники напали на чей-нибудь дом», а виноватыми назвали не их, а попытавшихся защититься хозяев. Англичане действуют так, будто им «принадлежит весь мир, и они имеют право всюду вести себя как дома и творить все, что заблагорассудится». А люди, «которые не согласны с этим, объявляются дикими и подлежащими наказанию». Согласно двойной морали, английское правительство запретило курение опиума в своей стране, но поощряло его распространение в других государствах. Таким образом, автор повести наблюдает и показывает читателю историческую ретроспективу формирования международной, в том числе и экономической, политики западного сообщества, а устами вымышленного героя формулирует крайне актуальные для нашего времени оценки и выводы.

Помимо главного героя повествования, большой интерес вызывает выводимая в ней фигура Линь Цзэсюя. Он представлен как честный сановник, безупречный руководитель, представитель той части китайской элиты, которая работает на свою страну и народ. Линь Цзэсюю противостоят царедворцы-капитулянты типа Ци Шаня, предающим свое государство. Антиномия, увы, весьма актуальная для современной России.

Автор показывает отношение жителей Поднебесной к политике и действиям британцев. Несмотря на относительную легкость их побед над императорской армией, далеко не все китайцы готовы подчиниться диктату военной силы. Так, жители Чженьцзяна позорной сдаче, выкупу или плену предпочли добровольную смерть. Захватчикам противится не только китайское население, но и сама природа. На землю и воды падает удушливый зной, среди англичан начинаются болезни — диарея, малярия, дизентерия. Крысы обгрызают большим пальцы и носы. Река Янцзы сопротивляется продвижению флотилии неприятеля, и европейцы становятся узниками на собственных кораблях.

События Опиумной войны показаны с «близкого расстояния», в виде записок очевидца и участника, составленных по горячим следам, что придает повествованию эффект присутствия и документальности. Понятны и объяснимы рез-

кие оценки, которые повествователь дает действиям англичан против своей страны. Не могут вызвать его симпатий командиры карательной военно-морской экспедиции. Но эти чувства, пусть не тотчас же, разделят и сами британцы, во всяком случае, лучшие из них. «Единственное, что можно сказать в пользу виновников данного международного преступления, — это то, что с тех самых пор они стыдились своей акции, — напишет сто лет спустя великий английский историк А. Дж. Тойнби. — Я хорошо помню это, надеюсь, испускающее ощущение стыда, переданное мне еще в детстве моей матерью, когда я спросил ее об «опиумной войне» и она рассказала мне о ней» (А. Дж. Тойнби. Цивилизация перед судом истории).

Замечательные слова! Они показывают, что пресловутые «конфликты цивилизаций» преодолемы, если их представители будут способны непредвзято посмотреть друг на друга, признать и исправить допущенные предшествующими поколениями ошибки. И конечно же, мы ничего не поймем, если средину позапрошлого века станем измерять мерками сегодняшнего дня.

«Чем же тогда победа отличается от поражения?» — думает герой в конце повести, глядя на уходящие из реки Янцзы английские корабли. С его точки зрения, интервенты потеряли в глазах китайцев всякое уважение, покрыли себя позором.

Да, иные победы хуже поражения. Словами мудреца древности Лао-цзы:

Нет большей беды, чем легкая победа.

Побеждающий других силен.

Побеждающий самого себя — могуществен.

Человек следует законам Земли.

Земля следует законам Неба.

И в заключение: повесть «Молодым не ходи в Гуандун» удачно стилизована под произведение классической китайской литературы. Автор выказывает при этом широкую эрудицию в области китайской истории и философии, он глубоко погружен в уклад и быт далекой страны, отдаленного времени. Китай представляет сейчас основную и все более растущую силу современности и, думаю, наше стремление лучше узнать и понять эту страну, будет год от года идти по восходящей. Вот уже у нас заговорили об экономическом «развороте на восток». Я бы назвал повесть Геннадия Литвинцева прецедентом литературного, духовного разворота на эту сторону.